

Их было более
шестидесяти миллионов

...не Мой народ назову
Моим народом, и не
возлюбленную — возлюбленную.

Послание к Римлянам;
9,25

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

238

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

331

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1983-м я потеряла работу — а может, бросила. Или потеряла, или бросила, или то и другое, но, так или иначе, я уже довольно давно была занята «неполный рабочий день», а точнее, раз в неделю приходила в издательство «Рэндом Хаус», чтобы разом расправиться с той частью дел, которая была связана с перепиской, телефонными звонками и встречами; рукописи я редактировала дома.

Идея уйти с работы нравилась мне по двум причинам. Во-первых, я успела написать уже четыре романа, и вроде бы всем стало ясно, что мое главное призвание — это писательство. Впрочем, вопрос о том, какое из моих занятий главное — как можно одновременно и писать, и редактировать чужие рукописи? — казался мне довольно странным, а ответ на него — вполне предсказуемым; это почти то же самое, что спрашивать: «Как можно одновременно учить других и творить самому?» или «Разве может художник, скульптор или актер, занимаясь своим делом, одновременно руководить другими людьми?» В общем, многим сочетание в одном лице редактора и писателя представлялось весьма спорным.

Вторая причина была менее двусмысленной. Те книги, которые я редактировала и готовила к изданию, не приносили особых доходов даже тогда, когда выражение «очень большие деньги» не имело того значения, какое оно имеет сейчас. Хотя мне мой список авторов представлялся очень эффектным: в него входили писатели поистине вы-

дающего таланта (Тони Кейд Бамбара, Джун Джордан, Гейл Джонс, Люсиль Клифтон, Генри Дюма, Леон Форрест¹); ученые, обладающие оригинальными идеями и теориями и активно занимающиеся исследовательской работой (Уильям Хинтон, Айвен Ван Сертима, Карен ДеКроу, Чинвейзу Ибекве²); а также общественные деятели, стремившиеся максимально честно документировать события (Анжела Дэвис, Мухаммед Али, Хью Ньютон). И если мне казалось, что нужно непременно написать ту или иную книжку, я находила для этой задачи подходящего автора. Кое-кто разделял мой энтузиазм, но другие, размышляя над равнодушными ко всему показателями продаж, старались его приглушить. Возможно, я и ошибаюсь, но, по-моему, даже в конце 1970-х бестселлеры существенно превосходили количеством проданных экземпляров количество купленных научных трудов, или произведений новичков, нуждающихся в поддержке, или

---

¹ Тони Кейд Бамбара (1939–1995) — афроамериканская писательница, режиссер-документалист, общественный деятель и профессор университета. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Джун Джордан (1936–2002) — карибоамериканский поэт, писатель, эссеист и общественный деятель.

Гейл Джонс (р.1949) — американская писательница, драматург, литературный критик и профессор университета. Ее романы об африканских женщинах Тони Моррисон высоко ценит.

Люсиль Клифтон (1936–2010) — афроамериканская поэтесса и писательница; дважды номинировалась на Пулитцеровскую премию как поэт.

Генри Дюма (1934–1968) — афроамериканский писатель и поэт; Тони Моррисон называет его «абсолютным гением». В «Рэндом Хаус» она была редактором его сборников поэзии и рассказов.

Леон Форрест (1937–1997) — афроамериканский романист, произведения которого характеризуются сложным сочетанием мифологии, истории и реальной жизни Чикаго.

²Уильям Хинтон (1919–2004) — американский писатель, марксист. Его роман «Фан Шен» (Fan Shen, 1966), посвящен-

книг стареющих писателей. Короче говоря, я убедила себя в том, что настало время жить как зрелый писатель, то есть исключительно за счет авторских гонораров и собственного творчества. Не знаю, из какой комедии я почерпнула эту идею, но она пришлась мне по душе, и я за нее ухватилась.

Итак, я последний день отработала в издательстве и некоторое время спустя сидела перед своим домом на пирсе, далеко выступающем над водами Гудзона. И тут вместо ожидаемого покоя и умиротворенности меня охватил необычный тревожный зуд. Я мысленно пробежалась пальчиком по списку возможных проблем, но ничего нового или неотложного в нем не обнаружила. Я никак не могла понять, что же может меня беспокоить в такой замечательный день, когда передо мной расстилается широкая безмятежно-спокойная река. Ежедневника у меня при себе не было, а телефон, даже если бы он зазвонил, я бы все равно не заметила. Но я очень хорошо почувствовала, как нервно колотится мое сердце, как оно, точно жеребенок копытцами, ударяет мне прямо в ребра. Пришлось вернуться в дом и внимательней прислушаться к своим мрачным, чуть ли

ный программе реформ компартии Китая в 1940-е годы, называют «документальным свидетельством революции».

Айвен Ван Сертима (1935–2009) — африканист, историк, антрополог, лингвист и профессор университета, более всего известный своими предположениями относительно альтернативного происхождения индейцев ольмеков, сторонник доколумбийской «контактной теории».

Карен ДеКроу (1937–2014) — американский юрист и общественный деятель; ранее считалась феминисткой, но впоследствии стала известна благодаря своей борьбе за равные права мужчин в воспитании детей. Автор книги «Справедливость сексистов».

Чинвейзу Ибекве — нигерийский поэт, критик и журналист; учился в Америке в Массачусетском технологическом институте; в 1980-х вернулся в Нигерию. Автор книги «Запад и мы, все остальные».

не паническим предчувствиям. Я хорошо знала, что такое страх, но это было нечто иное. И тут меня осенило: я просто счастлива и свободна — свободна, как никогда в жизни. Как никогда в жизни! Это было странное и удивительное ощущение. Не экстаз, не удовлетворенность собой, не острое наслаждение, не триумф — нет, моя радость была другой: это было предвкушение уверенности. И тут появилась Возлюбленная.

Теперь мне кажется, что потрясение, которое я испытала тогда на пирсе, и привело меня к размышлениям о том, каково могло быть для женщины значение слова «свободная». В 1980-е споры на эту тему еще не утихли: одинаковая с мужчинами зарплата, одинаковое отношение к представителям обоих полов, одинаковый доступ к профессиям, к школам... Выбор без клейма. Возможность самой решать, выходить замуж или не выходить. Иметь детей или не иметь. И эти мысли, естественно, не могли не привести меня к «другой» истории нашей страны — истории чернокожих женщин в Америке; точнее, к тому периоду, на протяжении которого чернокожих отговаривали вступать в брак, да, собственно, он был практически невозможен или даже противозаконен, однако рожать детей все же требовалось; а вот «иметь их при себе», то есть нести за них ответственность — иными словами, быть настоящими родителями — считалось столь же недопустимым, как и поднимать вопрос о свободе. Защита прав чернокожих родителей в тогдашних условиях представлялась с точки зрения логики узаконенного рабства весьма странной и абсолютно преступной.

В общем, идея романа на подобную тему меня совершенно заворожила, но вместе с тем я была обеспокоена: историческая канва моего будущего произведения ошеломляла. Мне казалось, что у меня не хватит ни воображения, ни смелости, чтобы создать таких литературных героев, которые смогут продемонстрировать не только интеллект, но и ярость, которую способна вызвать несво-

бода, невозможность распоряжаться собственной жизнью. Но тут я очень удачно вспомнила одну из книг, которой занималась, еще работая в издательстве. Собственно, это были вырезки из газет, объединенные под названием «Черная книга», и в них излагалась история некоей Маргарет Гарнер¹, молодой матери, которая сумела спастись из рабства, но была арестована за убийство одного из своих детей (и попытку убить остальных), поскольку предпочитала их смерть необходимости вернуть их на плантацию хозяина. Суд над ней стал *cause celebre*² и показал важность борьбы с теми законами, согласно которым беглых рабов неизменно возвращали прежнему хозяину. Проявленное Маргарет Гарнер здравомыслие, а также полное отсутствие с ее стороны какого бы то ни было раскаяния привлекли внимание и аболиционистов, и газетчиков. Она, безусловно, не кривила душой и, судя по ее выступлениям в суде, обладала не только большим умом, но и необходимой для моей книги яростью, страстной готовностью рискнуть всем на свете ради свободы.

Маргарет Гарнер как историческая личность, безусловно, заслуживает восхищения, но для романиста ее образ имеет определенные ограничения. Для моих литературных целей, для моего замысла здесь явно не хватало пространства. И я решила изобрести мысли Маргарет, стараясь максимально точно соотнести их с исторически верным контекстом, который, однако, будет не столь точно соответствовать реальным фактам, чтобы мой рассказ строго совпадал со всевозможными современными

---

¹Маргарет Гарнер — афроамериканская женщина, осужденная за убийство ребенка. В январе 1856 года она вместе с семьей сбежала в Цинциннати, но была поймана и помещена в тюрьму. Ее история легла в основу романа Т. Моррисон «Возлюбленная» (1987), а также одноименного фильма (1998), главную роль в котором сыграла Опри Уинфри.

² Знаменитое дело, скандальный процесс (*фр.*).

публикациями и исследованиями, посвященными теме свободы и ответственности женщин, а также их «месту» в обществе. Моя героиня, думала я, станет воплощением того, чем кончается позорное одобрение обществом столь чудовищного гнета; она возьмет на себя грех детоубийства, при этом требуя собственной свободы. Эта огромная область человеческих отношений — рабство и все с ним связанное — влекла меня невероятной значимостью и одновременно с этим пугала отсутствием проторенных дорог. Чтобы пригласить читателей (со мной, разумеется) на прогулку по столь отталкивающему пейзажу (кое-где скрытому, но не полностью; сознательно похороненному, но отнюдь не забытому), нужно было поселиться на кладбище вместе с весьма красноречивыми призраками.

Я была на веранде, качалась на качелях и глядела на огромные валуны волнолома, сваленные у берега реки на случай внезапного удара с ее стороны. От верхнего края груды камней через лужайку тянулась тропинка, на середине как бы перегороденная чем-то вроде смотровой вышки или бельведера, скрывавшегося в глубокой тени деревьев.

Она вышла из воды, вскарабкалась по глыбам, сделала несколько шагов по тропинке и прислонилась к стене бельведера. На ней была очень хорошенькая шляпка.

Девушка явно была там с самого начала, и об этом, кроме меня, знали все (герои романа) — эта мысль впоследствии превратилась в одну из фраз первой главы: «Женщины и дети, жившие в доме, отлично знали это». Самой главной, центральной фигурой этой истории должна была стать она — убитая, а вовсе не ее убийца; та, что потеряла все и ни в чем не имела права голоса, не могла даже рассказать о том, что с ней сотворили. И, разумеется, она никак не могла слоняться около дома; она просто обязана была в него войти. И это должен был быть настоящий дом, а не хижина. Дом, имеющий адрес; дом,

где самостоятельно и независимо живут бывшие рабы. И там не будет никакого «вестибюля», и никто не будет «вводить» героиню ни в дом, ни в роман. Я хотела, чтобы действие захватило читателя внезапно, хотела безжалостно швырнуть его в чуждое ему окружение; это стало бы его первым шагом в приобретении того опыта, который он разделит с героями книги — ведь точно так же и моих героев судьба перебрасывала из одного места в другое без какой бы то ни было предварительной подготовки, лишив всякой защиты.

Было очень важно дать этому дому имя, но не такое, какими часто называли свои поместья плантаторы, — не «Милый Дом» или что-нибудь в этом роде. В названии даже намек не должно было быть ни на уют, ни на великолепие, ни на далекое аристократическое прошлое. Пусть будет только число, обозначающее порядковый номер дома и вместе с тем отделяющее его от улицы или города — как бы показывая его особенность, отличие от других построек по соседству, где тоже живут чернокожие; это будет легкий намек на гордость и даже некое чувство превосходства, с какими бывшие рабы приучаются к тому, что у них есть собственный адрес. И все же этот дом будет наделен своим характером — такой дом обычно называют «домом, где живет привидение», особенно если он обладает несдержанным, крикливым и, в общем, ужасным нравом.

Пытаясь сделать жизненный опыт рабов, что описаны в книге, более понятным и знакомым, я надеялась, что окажусь достаточно убедительной и сумею показать, что для них ощущение мира, смысл окружающих их вещей не всегда находится под контролем; что порядок и спокойствие их повседневной жизни могут быть грубо нарушены хаосом, который принесет с собой вторжение требовательной мертвой девушки; что их поистине геркулесовым попыткам забыть прошлое могут угрожать чересчур яркие воспоминания той, что так отчаянно стремится остаться

среди живых. Чтобы передать состояние рабства как некий личный опыт, нужно было, чтобы литературный язык как бы отошел в сторонку и не мешал.

Я бережно лелею в памяти те мгновения на пирсе — обманчиво-спокойную реку, и внезапное осознание собственных возможностей, и тот громкий стук сердца, и ощущение одиночества и опасности. И появление девушки в хорошенькой шляпке.

А теперь — сосредоточимся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Неладно было в доме номер 124. Хозяйничало там зловерное маленькое привидение, дух ребенка. Женщины и дети, жившие в доме, отлично знали это. И долгое время, каждый по-своему, как-то мирились с тем, что отравляло им жизнь, но к 1873 году все изменилось. И Сэти со своей дочерью Денвер остались последними его жертвами. Бэби Сагз, свекровь Сэти и бабушка Денвер, умерла, а мальчики, Ховард и Баглер, давно уже сбежали из дома — им тогда еще и тринадцати не было. Баглера доконало зеркало, вдруг разлетевшееся вдребезги, когда он захотел посмотреться в него, а Ховард сломался, когда увидел на только что испеченном пироге отпечатки двух крошечных ладошек. Ни тому, ни другому больше намеков не потребовалось: ни перевернутых горшков с только что сваренным горохом, дымящейся грудой вываленным на пол, ни появления у порога крошек печенья, которые сами собой собираются в аккуратные кучки. Не стали они ждать и затишья — порой неделями или даже целыми месяцами в доме было спокойно. Нет. Оба сбежали — стоило дому совершить против них то, чего уже нельзя было вытерпеть дважды. Сбежали через два месяца, прямо среди зимы, оставив свою бабушку Бэби Сагз, мать Сэти и маленькую сестренку Денвер в серо-белом доме на Блустоун-роуд совершенно одних. Тогда у этого дома еще и номера-то не было, потому что Цинциннати сюда дотянуться не успел. В сущности, и Огайо всего каких-то семьдесят лет как стал называться штатом. И вот сперва один брат, а потом и второй сунули в шляпы узелки с нехитрым имуществом,